

Татьяна КАСАТКИНА

“ОТЦЫ И УЧИТЕЛИ...”

Когда Алёша в романе «Братья Карамазовы» (в книге «Русский инок») обращается к старцу Зосиме со словами “отец и учитель” (14, 258), в сознании всякого, внимательно читавшего Евангелие, должен возникнуть один из самых острых и парадоксальных евангельских текстов, который Достоевский, конечно, не мог пропустить без внимания и отклика: “А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос, все же вы — братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник — Христос” (Мф. 23, 8–10).

Поскольку к этому моменту текста уже достаточно выяснилось, что Зосима, в сущности, заслонил Алёше Христа (Алёша говорит Лизе Хохлаковой о том, что “в Бога-то вот, может быть, и не верует”, и — сразу после того — что теперь его “друг уходит, *первый в мире человек*, землю покидает”; 14, 201), то данная фоновая цитата работает в том же направлении, подготавливая и объясняя Алёшин бунт. Но это отнюдь не решение в романе проблемы одного из самых преткновений евангельских текстов — это лишь постановка её. Потому что, в сущности, весь роман посвящён вопросу, кого и когда можно и нужно назвать отцом — вплоть до либерального и новаторского предложения Фетюковича — не называть отцом отца, пока тот не докажет сыну, что достоин так именоваться. Однако Достоевский даст и решение — причём даст его уже в следующем абзаце. Но прежде чем перейти к решению Достоевского, посмотрим, какие комментарии на этот текст предлагает христианская культура, в видимом противоречии с цитируемым местом Евангелия узаконившая обращение к священнику — “отец”.

Феофилакт, архиепископ Болгарский, в «Благовестнике» так комментирует Мф. 23, 8–10: “Христос не запрещает называться учителями, но запрещает страстно желать этого названия, всеми силами стараться о приобретении его, ибо учительское достоинство в собственном смысле принадлежит одному Богу”¹. Однако, по смыслу текста, Христос именно *запрещает* здесь называться учителями. Комментарий же направлен на то, чтобы революционное, радикальное изменение, провозглашаемое Христом, смягчить, смазать, сделать более приемлемым для традиционного ума. В конце концов — свести на нет, что

весьма успешно и было проделано. Высказывание Христа неожиданно, страшно (особенно “и отцом не называйте”) и способно вызвать метанойю — перемену ума. Комментарий направлен на то, чтобы ум не изменился.

Иоанн Златоуст, комментируя этот текст словами: “Один Бог есть виновник всех и учителей и отцов”², точно определяет, к Кому мы обращаемся со словами “учитель” и “отец” сквозь любого временного носителя этих именовании. Не человеку принадлежит наше почтение, но образу Божию в нём, актуализируемому именованьями “отец” и “учитель”. Поэтому мы обращаемся со словом “отец” к священнику, который может годиться нам в сыновья или в братья либо не вызывать никакого почтения к себе *лично*. К сожалению, и мирянам, и священникам случается забывать об этом обстоятельстве, полагая, что сан и вправду делает *самого человека* “старшим” и “учителем”, из-за чего приходится порой наблюдать почти неприличные сцены, когда весьма пожилые женщины обращаются к годящемуся им во внуки “отцу” на “вы”, а он к ним — на “ты”.

Слова Христовы указывают нам на один простой и несомненный факт: здесь, на земле, мы все — ученики и братья. “Все — дитё”, как сформулирует это Митя Карамазов. Христос своим высказыванием навсегда упраздняет всякую иерархию, в сущности, тем самым радикально полагая предел для всех возможных великих инквизиторов. Если, конечно, не пытаться смягчить Его высказывание комментарием. Язычество — источник родовой и социальной иерархии. Христианство — самое последовательное равенство и братство.

Лозунг Великой французской революции: “Свобода, равенство и братство” — не мог возникнуть ни в какой культуре, кроме христианской, хотя бы по происхождению. Однако последствия его применения были совсем не христианскими. И именно потому, что революцией был отвергнут единственный истинный Отец и Учитель.

Следствием признания того, что на земле нет высших и наставников, нет отцов и учителей, могут быть два разных и даже прямо противоположных пути. Более известный нам путь — путь, впервые реализованный французской революцией, — путь всеобщего непочтения, “хамства”, как назовёт это Мережковский. Если нет никого выше меня — значит, все ниже меня: вот способ понима-